

which appears under the influence of global social changes. Considering the changes that have occurred in the language during the last decades the author argues for the necessity to compile a modern dictionary of the socio-political vocabulary.

Key words: *political communication, socio-political vocabulary, terminology, thematic classification, thematic sub-group.*

DOI 10.31909/2663-7103.2020-(7)-3

УДК 728.1:[929:82-1]

Лариса Дзиковская
(г. Измаил)

ДОМ ПОЭТА ВОЛОШИНА КАК «ВЫСОКИЙ ОБРАЗЕЦ КУЛЬТУРНОГО СТРОИТЕЛЬСТВА»

В биографии Максимилиана Волошина тема Коктебеля занимает особое место. В его известных «Коктебельских сонетах», как подчеркивает Н. Кодак, «эпика Максова автобиографизма тонкой нитью сплетена со звуками других персонажей» [10, с. 384]. Предельно высок пафос воспетого им Коктебеля и во многих других произведениях: *«Здесь стык хребтов Кавказа и Балкан и побережьям этих скудных стран великий пафос лирики завещан с первоначальных дней»* [3, с. 225].

Большую часть жизни М. Волошин прожил на этой «земле могил, молитв и медитаций», «земле утерянных богов», тоской по которой томилась его душа во время недолгих отъездов. Здесь он родился как поэт, о чем писал в стихах: *«С тех пор, как отроком у молчаливых торжественно-пустынных берегов очнулся я – душа моя разъялась, и мысль росла, лепилась и ваялась по складкам гор, по выгибам холмов»* [6, с. 49]. Его киммерийские впечатления отразились не только в поэзии, но и в акварелях. Говорил Волошин и об исключительной исторической значимости любимого края. Недаром, обращаясь к читателю, он призывал: *«Войди, мой гость, стряхни житейский прах/ И плесень дум у моего порога...»* – имея в виду свою выстраданную любовью поэта и художника Киммерию [4, с. 388]. Исследователи творческой биографии писателя утверждают, что он «писал о Коктебеле с точностью и строгостью. Ему никогда не было легко писать стихи, он требовал от себя повышенного внимания к форме, доводил эти требования до совершенства. Особенно это ясно видно на примере его коктебельских произведений, где он пытается вписать историю, геологию, ботанику в свои тексты» [1].

М. Волошин – «гений места», создатель удивительного творческого уголка в Коктебеле, который вот уже более ста лет является культурным пространством мирового значения. В истории XX века очень мало примеров того, как поэт или художник сам строил себе жилье, мастерскую. Обычно они арендовали, покупали или, в лучшем случае, заказывали проект архитектору.

Поэт начал строительство своего дома в 1903 году и создавал его как художественную колонию для поэтов, ученых и художников [8].

Сегодня достаточно известны все подробности, связанные со строительством усадьбы М. Волошина. В октябре 1913 года были закончены все достройки и перестройки дома поэта, и он обрел знакомый нам облик, который ассоциируется со средневековым замком и типичной для Средиземноморья небольшой загородной виллой. Удлиненные «романские» окна мастерской – явный отголосок испанских и французских впечатлений поэта. В трехэтажном здании, со всех сторон оплетенном лестницами, балкончиками и галереями, должны были быть и просторный зал для приемов, и плоская крыша, с которой темными южными ночами можно было наблюдать звезды, и библиотека, и мастерская художника (с 1902 года Волошин пишет маслом, а десяток лет спустя появляются его замечательные акварели), и, разумеется, комнаты для гостей – друзей, художников и поэтов, и просто интересных собеседников.

В проектировании дома изначально все задумывалось так, чтобы гостей размещалось побольше и чтобы отдыхалось и работалось им поудобнее. Не случайно из 22-х комнат более 15 отводилось для гостей. Приезжие, как правило, обитали на первом этаже, где, как соты, располагались маленькие комнаты. Каждого гостя хозяин старался поселить отдельно. Проживали все бесплатно. Когда гостей случалось много, их размещали и на втором этаже. Одна из комнат долго сохраняла название «гумилевской» – в ней останавливался Николай Гумилев в 1909 году. Чердак дома любили многие – К. Бальмонт, В. Брюсов, Вс. Рождественский, А. Белый [8].

«Все видеть, все понять, все знать, все пережить» («Сквозь сеть алмазную зазеленел восток...») – вот сформулированный М. Волошиным кодекс поэта. Эта восприимчивость к внешнему миру, невозможность ограничить себя узкими рамками одной эстетической школы, и была, вероятно, причиной того, что среди выдающихся поэтов Серебряного века Волошин занимал особое место, не примкнув ни к символизму, ни к акмеизму или футуризму. Он и внешне мало походил на поэта: плотный, мясистый, предельно естественный в одежде и в быту. На протяжении всей жизни М. Волошин привлекал к себе внимание и вызывал недоумение – не только своей внешностью, которая ассоциировалась одновременно и с Зевсом, и с ассирийским жрецом, но и образом жизни, творчеством, экстравагантностью, особенно с точки зрения обывателей.

Как поэт и мыслитель М. Волошин, его стихи и проза – некое всеобъемлющее архитектурное единство, элементы которого нерасторжимы: «... так нельзя выломать отдельные завитки из ракушки [...] ее очарование – целое», – писал А. Белый, подметивший это *целое в доме* Волошина – «целое единственной жизни; поэт Волошин, Волошин-художник, Волошин-парижанин, Волошин-коктебельский мудрец, отшельник и краевед – даны в Волошине, творце быта...» [11, с. 187]. Можно принимать или не принимать написанное Волошиным, но прислушаемся еще раз к тому, что говорит

А. Белый: «... во всех согласиях и несогласиях меня пленяла» в нем «широта интересов, пытливость ума, многосторонняя начитанность, умение выслушать собеседника», его способность выступать «в роли миротворца, сглаживая противоречия между противниками, часто не видящими из-за деревьев леса...» [6, с. 3]. На самом берегу моря М. Волошин сумел создать Дом Поэта, превратив небольшой дачный поселок Коктебель в «один из культурнейших центров не только России, но и Европы» [8]. По воспоминаниям современников, «он был вдохновителем мудрого отдыха, обогащающего и творчество, и познание» [12, с. 286].

Поэт и замечательный художник-акварелист, М. Волошин главной своей школой считал впечатления реальной жизни. «Земля настолько маленькая планета, что стыдно не побывать везде», – писал матери. Он объездил и обошел пешком пол-Европы и любил чувствовать себя странником. «Полгода, проведенные в пустыне, были решающим моментом в моей духовной жизни. Здесь я почувствовал Азию, Восток, древность, относительность европейской культуры» [5, с. 67]. Поразительны жизненные и творческие маршруты поэта: Киев, Москва, Петербург, Европа, азиатские пустыни и, наконец, знаменитый Коктебель, навсегда связанный с именем Волошина [13]. «Дом Волошина, – говорил Андрей Белый, – это живой слепок неповторимого лика, вечная память о нем» [12, с. 289]. Сам же создатель этого дома писал: «Волошинский дом – это не я. А целый коллектив. Коллектив художников, поэтов, философов, музыкантов, ученых» [12, с. 344]. Он называл себя «коробейником идей». Марина Цветаева, подхватив его слова, назвала его «коробейником друзей». В самом деле, трудно назвать другого человека, столь щедрого на дружбу, как Волошин, который любил давать, давал щедро: ночлег, свежую акварель, обед, мысль, стихотворение, надежду; предотвращал возможную вражду, зависть, недоброжелательство. «Всякую занесенную для удара руку он, изумлением своим, превращал в опущенную, а бывало, и в протянутую» [16, с. 288].

Вряд ли простым гостеприимством можно объяснить такое непостижимое явление, как то, что в 1924 году в доме поэта побывало около 300 человек, в 1925-м – около 400, в 1928-м – 625 и т.д. Среди постоянных гостей – К. Чуковский, И. Эренбург, О. Мандельштам, А. Белый, В. Брюсов и многие другие поэты и художники [15]: *«Всей грудью к морю, прямо на восток, / Обращена, как церковь, мастерская. / И снова человеческий поток / Сквозь дверь ее течет, не иссякая»* [12, с. 388].

М. Волошин, как художник, следовал традиции тех, кого считал учителями, а также своему собственному методу [17]. «В методе подхода к природе, изучения и передачи её я стою на точке зрения классических японцев (Хокусай, Утамаро). Пейзажист должен изображать землю, по которой можно ходить, и писать небо, по которому можно летать, т. е. в пейзажах должна быть такая грань горизонта, через которую хочется перейти, и должен ощущаться тот воздух, который хочется вдохнуть полной грудью, а в небе те восходящие точки, по которым можно взлететь на планере» [7, с. 56–58]. Авторы книги «Дом-музей М. А. Волошина», сопоставляя жизненный код русского поэта и

художника с эстетикой жизни китайских поэтов и художников, отмечают: «... надо быть микромиром, способным охватить макромир, слиться с природой настолько, чтобы оставить в памяти земли след своего «я»: «Явь наших снов земли не истребит». Примером ему в этом мог быть один из самых знаменитых поэтов Китая VIII века Ли Бо, который поселялся в горах «с беспечными друзьями из Бамбуковой долины», где они жили дружно и весело, проводя время за песнями, импровизациями стихов» [7, с. 58]. Очевидна ассоциация с атмосферой, царящей в художественной колонии Коктебеля.

М. Волошин как поэт и художник стал и автором-исполнителем невиданного дотолем проекта – особой организации духовного и жизненного пространства в своей творческой лаборатории, именуемой домом Волошина [17]. В нем воссоединились Запад и Восток в их органичном преломлении. Черное море, сам полуостров Крым, Коктебель представлялись поэту местом исторической связи времён, перекрёстком различных культур, преемниками древней Эллады. В новелле «Mare Internum» (Внутреннее море) он пишет об этом «перекрёстке»: *«Я – солнца древний путь от красных скал Тавриза / До тёмных врат, где стал Гераклов град – Кадикс. / Мной круг земли омыт, в меня впадает Стикс... / Люби мой долгий гул и зыбких взводней змеи, / И в хорах волн моих напевы Одиссеи»* [4, с. 96].

Дом, который «камешком лежит в ладонях Коктебеля», в нескольких шагах от берега, был задуман Волошиным как место для встреч и творческого общения друзей и знакомых поэта. Он наполнил его картинами, фотографиями, посмертными масками, скульптурами, предметами археологических находок, посохами (неутомимый ходок), рабочим инструментом (всё делал в доме своими руками), минералами. Там были собраны «чуда и дива из всех Максиных путешествий» и их окрестных розысканий. Не только людской обиход, а и морские, и лесные, и горные дива [14, с. 238]. Все стены двухэтажной мастерской занимают книжные полки. Книги на нескольких языках свидетельствуют об интересах их владельца: археология, литература, поэзия, искусствоведение, геология, история, шахматы, астрономия, биология, медицина. Многие из них с дарственными надписями авторов [17]. Книги у Волошина предстают как результат духовного осмысления бытия, каждая содержит свой аспект мировосприятия: *«Но полки книг возносятся стеной. / Тут по ночам беседуют со мной / Историки, поэты, богословы»* [4, с. 388]. История, поэзия и богословие – три инстанции, практикующие и дополняющие друг друга, три «типа» истины. Все они связаны с интерпретацией мира (физического и метафизического), осуществляемой специфическим способом, с одной стороны, с другой – это три аспекта, связанные с культурной жизнью и определенным нравственным идеалом. Они «возносятся стеной», и эта стена включает в себе охранительный принцип: за нее не проникают ни подмена ценностей, ни навязывание ложных идеалов, диктуемых внешними силами. Вот еще одно значение того, что называют «Домом поэта».

Большинство картин и стихов М. Волошин написал в Коктебеле, о Коктебеле или под его влиянием. Поэт-художник говорил, что его стихи о

природе утекли в его акварели и живут в них, как морской прибор с приливами и отливами. Он считал, что историческая насыщенность Киммерии и пейзаж Коктебеля, напоминающий выжженные холмы Эллады, «...воспитывают дух и мысль» [7, с. 312–314]. «И стали видимы средь сумеречной сини / Все знаки скрытые, лежащие окрест: / И письма дорог, начертанных в пустыне, / И в небе числа звезд» [4, с. 106].

В Доме М. Волошина всегда царил творческий дух. Здесь «писались стихи и проза, картины и этюды, пьесы и эссе. Проводились диспуты, делались и обсуждались доклады, задумывались проекты, читались вслух новые произведения, проводились поэтические турниры, не прекращались литературные и философские споры. И всё это происходило в атмосфере неуклонно утверждаемой Волошиным: веселья, розыгрышей, мистификаций (чего стоит одна только история с Черубиной де Габриак!), игры; неперемогимого требования: к одежде – простоты и удобства; к поведению – ориентации на свободу и естественность. Под крышей этого дома влюблялись и ревновали, заключали союзы и разрушали их. Как замыслил художник свой дом, свой образ жизни, творчества и общения, – так и выстроил его, явив тем самым высокий образец культурного строительства. Макс, как называли его все, сумел построить совершенно особый мир, открытый для друзей и случайных спутников» [17]. М. Волошин воспел свой Дом в программном стихотворении, написанном 25 декабря 1926 года: «Дверь отперта. Переступи порог. / Мой дом раскрыт навстречу всех дорог. / В прохладных кельях, беленных известкой, / Вдыхает ветер, живет глухой раскат / Волны, взмывающей на берег плоский, / Полынный дух и жесткий треск цикад. / А за окном расплавленное море / Горит парчой в лазоревом просторе...» [4, с. 384].

Если говорить о пространственных характеристиках дома, то стоит заметить, что физическое измерение искажается под воздействием «музыки» пространства, сокращается дистанция между изображаемыми объектами, и оказывается, что морская волна наступает непосредственно на порог дома. Кроме того, кельи (комнаты) не представляют собой пространства замкнутого, тесного, аскетичного. Размыкаются или совсем пропадают не только внешние границы дома, но и пространство внутри него, точно так же, как наступающая на берег волна размывает границы между морем и сушей. В стихотворении «Дом поэта» М. Волошин (который предстает в тексте как «я», «мой»), сконцентрировал в себе силы и внешнего мира, и домашнего пространства; поэт равен их сумме, он не может быть равен физически только человеку, поэт здесь – существо, принадлежащее к метафизическому миру: божество или дух, воплощенный в человеческом теле. Идея человекоподобного бога или духа, очевидно, восходит в эстетике М. Волошина к античной парадигме – к «духам места» (паркам, ларам), которым особо поклонялись древние греки и римляне.

Поэт – дом – Коктебель вписываются и при этом остаются равными друг другу, подобно тому, как в мифологическом сознании обнаруживается равенство микрокосмоса макрокосмосу. Памятником М. Волошину стал весь Коктебель со знаменитой скалой, напоминающей профиль поэта: «Его полынъ

хмельна моей тоской, / Мой стих поет в волнах его прилива, / И на скале, замкнувшей зыбь залива, / Судьбой и ветрами изваян профиль мой» [6, с. 49]; «Вон там – за профилем прибрежных скал, / Запечатлевшим некое подобье / (Мой лоб, мой нос, ощечье и подлобье)...» [4, с. 385].

Знак родства земли и поэта М. Волошина материализован в значительной степени в рельефе местности. Благодаря данному феномену мифология «поэта-пространства» вышла за пределы художественного творчества. По сути, «профиль поэта» подтвердил верность в выборе им места, как бы указав на единственно правильный способ культурного и полноценного существования парадигмы «поэт – дом – пространство». Дом так же, как и пространство вокруг, связан с внешним миром посредством соединения в себе различных традиций и культур, он обеспечен внешней связью через «поток гостей», которые, как реки, формируют наносы, осуществляют эстетический обмен смыслов. Таким образом, Дом уже при жизни поэта становится «музеем», сокровищницей, хранилищем, храмом. А поведение хозяина дублирует поведение возведенного им пространства. «Дом поэта» – автобиография, которую Волошин вписал в мифологию пространства Коктебеля: *«Я принял жизнь и этот дом, как дар – / Нечаянный, – мне посланный судьбою, / Как знак, что я усыновлен землею» [4, с. 388].* Он учился у всего, с чем соприкасался, и эта сумма знаний давала оригинальный результат. В контексте структуры «Коктебель – поэт – дом» подобная деятельность осмысливается как серьезная работа по преобразованию себя, это своеобразный вид творческой «аскезы»: собирание себя, своего типа сознания и миропонимания.

Заключительные строки стихотворение «Дом поэта» звучат итогом его жизненных раздумий, поэтическим завещанием грядущим поколениям: *«Поэтому живи текущим днем, / Благослови свой синий окаем, / Будь прост, как ветер, неистоим, как море, / И памятью насыщен, как земля, / Люби далекий парус корабля / И песню волн, шумящих на просторе. / Весь трепет жизни всех веков и рас / Живет в тебе. Всегда. Теперь. Сейчас» [4, с. 90].*

Таким образом, сочетание слов «Дом Поэта» наполнено особым смыслом. Это не только своеобразно задуманное здание, а, прежде всего, творческое сообщество людей самых разных интересов и познаний. Возникнуть оно могло только благодаря человеческим качествам Максимилиана Волошина.

Список использованной литературы:

1. Баруткина М. О. Гений места : Максимилиан Волошин и Киммерия
URL: <file:///C:/Users/%D0%92%D0%9A%D0%BE%D0%BC%D0%BF%D0%B5/Downloads/1426-3009-1-SM.pdf>. (дата звернення: 12.07. 2020).
2. Волошин М. А. Все даты бытия. *О себе и о других*. Москва : Вагриус, 2004. 346 с.
3. Волошин М. А. Звезда полынь. Москва : НексМедиа; Москва : ИД Комсомольская правда, 2013. 239 с.

4. Волошин М. А. Избранное. СПб. : ТОО «Диамант», 1997. 448 с.
5. Волошин М. А. История моей души. Москва : Аграф, 1999. 480 с.
6. Волошин М. А. Коктебельские берега : *Стихи, рисунки, акварели, статьи* / Сост. и авт. вступ. ст. и коммент. З. Д. Давыдов. Симферополь : Таврия, 1990. 248 с.
7. Волошин М. А. Лики творчества. Ленинград : Наука, 1989. 848 с.
8. Гурьева Т. Дом, который построил Макс... и подарил его людям. URL: http://feolib.crimealib.ru/publ/sobytiya/maksimilian_voloshin_moj_dom_raskryt_nav_strechu_vsekh_dorog/2-1-0-57 (дата звернення: 15. 09. 2020).
9. Дом-музей М. А. Волошина. Путеводитель / Кобзев Н. А. и др. Симферополь, 1990. 65 с.
10. Кодак М. П. Максимилиан Волошин в его «Коктебельских сонетах». Кодак М. П. Вибране : статті, рецензії, питання/проблеми теоретичні : у 2 т. Луцьк : ПВД «Твердиня», 2015. Т. 2. С. 382–391.
11. Куприянов И. С. Судьба поэта (*Личность и поэзия Максимилиана Волошина*). Киев : Наукова думка, 1978. 230 с.
12. Купченко В. П. Жизнь Максимилиана Волошина. *Документальное повествование*. СПб. : Издательство журнала «Звезда», 2000. 400 с.
13. Максимилиан Волошин, объединяющий людей. URL: <https://www.psychologies.ru/articles/maksimilian-voloshin-obyedinyayuschiy-lyudey/> (дата звернення: 19. 09. 2020).
14. Пинаев С. М. Максимилиан Волошин, или Себя забывший бог. Москва : Молодая гвардия, 2005. 661 с.
15. Россинская С. В. Максимилиан Волошин. Ключи к пониманию. URL: http://redbank.ru/34_Biblioteka/05_Voloshin.pdf. (дата звернення: 27. 06. 2020).
16. Цветаева М. И. Проза. Автобиографическая проза. *Воспоминания о поэтах. Мой Пушкин. Литературно-критические статьи*. Кишинев : Лумина, 1986. 544 с.
17. Шахтина А. Феномен места и пространства (Коктебель Волошина и Порт-Льигат Дали) URL: http://www.belousenko.com/books/litera/shakhtina_voloshin_dali.htm (дата звернення: 15. 08. 2020).

Анотація

Дзіковська Лариса. Дім поета Волошина як «високий зразок культурного будівництва»

У статті йдеться про російського поета Максимиліана Волошина, який створював свій Дім як «мистецьку колонію» для поетів, учених, художників. Доводиться, що саме завдяки своєму господарю Дім поета став духовним центром Коктебеля.

Ключові слова: Максимиліан Волошин, поет, художник, Коктебель, біографія, творчий дух, духовна атмосфера, простір.

Summary

Dzikovska Larysa Poet Voloshin's house as a «high example of cultural construction»

The article is about the Russian poet Maximilian Voloshin, who created his House as an «art colony» for poets, scientists and artists. It is proved that it was thanks to its owner that the Poet's House became the spiritual center of Koktebel.

Key words: *Maximilian Voloshin, poet, artist, Koktebel, biography, creative spirit, spiritual atmosphere, space.*

DOI 10.31909/2663-7103.2020-(7)-4

УДК: 811.161.2.276.1

Людмила Марчук
(м. Кам'янець-Подільський)

**ВЕРБАЛІЗАЦІЯ КОНЦЕПТУ «МІСТО»
В ІНДИВІДУАЛЬНОМУ СТИЛІ БРАТІВ КАПРАНОВИХ**

Відзначаючи актуальність урбаністичних досліджень у сучасному мовознавстві та літературознавстві, виокремлюємо факт, що більшість із них носить дихотомічний характер, коли місто і село розглядаються в явній і обов'язковій опозиції: О. Капліна «Двоїстість образів міста і села у творчості Христі Алчевської», І. Куриленко «Місто/село» або «своє/чуже» як провідні бінарні опозиції роману «Місто» В. Підмогильного» [2; 4] та ін.

Щодо української ментальності, то вона тривалий час сприймалася сільською, в ній закріпилася установка про ворожість міста як стану свідомості. Причиною цього є «споконвічна непричетність міста до культури української нації: відсоток суто українського населення в містах завжди, навіть з початком індустріалізації, тобто у ХІХ столітті був мінімальним, тому міста майже ніколи не були носіями ані української мови, ані української культури» [3, с. 79]. Корінні українці ще на початку ХХ століття сприймали процес урбанізації як порушення гармонії існування селянина в природі. Саме звідси проростає наскрізний мотив екзистенційного жаху перед великим, яке «постає залізним, «геометрично» бездушним монстром, що безжально катує людину, нівечить її життя» [1, с. 80].

Явище урбанізації досліджено лише частково, а у творчості братів Капранових узагалі не досліджувалося.

Для аналізу ми обрали роман про типового представника «еліти», який завдяки якостям, властивим українцям – природного скепсису та іронії – стає дітгером – подорожним таємними коридорами влади та грошей (до 2004 року та у 2004 році). А його «прив'язаність» до конкретних просторових реалій лише увиразнить тезу про те, чи залежить характер людини від зовнішніх обставин проживання, чи в ньому простежуються ознаки, які можуть обумовлюватися